

Молния с треском расколола крышу, проделав длинную прореху, сквозь которую в зал хлынули потоки дождя вместе с обломками черепицы.

Чиновники в ужасе побледнели.

Некоторые старики, если бы не поддерживали друг друга, давно бы повалились на пол. Другие, схватившись за грудь, тяжело дышали, словно у них случился сердечный приступ.

Стражники, бросившиеся на защиту, евнухи, пытающиеся навести хоть какой-то порядок, и сановники, забившиеся в углы, — всё смешалось в один хаотичный гул.

— Это... это...

— Только что завершилась церемония жертвоприношения, и тут же такой удар молнии! Не знамение ли это? Жрец, молю, истолкуй волю небес! — наперебой закричали чиновники.

Линь Жучэнь поклонился и обратился к Мо Ину:

— Ваше Величество, позвольте мне удалиться, чтобы высчитать знамения небесные.

Ну конечно, ты ведь всё равно не вмешиваешься в государственные дела, толку от твоего присутствия здесь всё равно нет.

Юань Цзяоянь бросил взгляд на И Цунчжоу, стоявшего в толпе, и слегка развернулся, перекрывая ему обзор и полностью скрывая Мо Ина в своей тени.

Этот человек, безусловно, умел очаровывать, но Мо Ин сохранял трезвый рассудок: Юань Цзяоянь не был простаком, и вести с ним переговоры — всё равно что просить шкуру у тигра. Стоит ему один раз помочь, как он тут же потребует плату, и кто знает, не решит ли он после угроз в адрес Мо Ина потребовать выгоду уже с И Цунчжоу.

Мо Ин первым двинулся вперед. Проходя мимо И Цунчжоу, он под прикрытием широких рукавов сжал его руку и тихо прошептал:

— Я не позволю тебе пострадать.

Они с Чи Линем прибыли первыми. Оказавшись во Дворце Дунхуа, Мо Ин велел ему пройти в кабинет при боковом зале и приказал страже никого не впускать.

— Ваше Величество, что прикажете? — лицо Чи Линя сияло от радости.

— Спас маленького Бамбука, а в ответ ни слова благодарности, обидно, — пробормотал Мо Ин.

А что, если он потребует, чтобы И Цунчжоу приходил к нему по ночам?

— Кто тебя просил помогать! — Мо Ин отвернулся, не желая продолжать.

Этот живой демон словно болен, вечно норовит прошептать что-то прямо на ухо.

— Слушаюсь, Ваше Величество! — отозвались чиновники, преданные Чи Линю.

Император вызвал его с глазу на глаз, значит, одобряет его действия — он всё правильно рассчитал.

Этот момент — его шанс.

Раз крыша пробита, нет причин продолжать заседание, верно?

Миновав опасность, Мо Ин с облегчением выдохнул и высвободился из захвата Юань Цзяояня.

Отказ Мо Ина ничуть не расстроил мужчину. Он пожал плечами, накрутил на палец прядь волос Мо Ина и добавил:

— Слышал, Ваше Величество питает слабость к мужчинам?

— Ваше Величество! — в суматохе вдруг громко воскликнул Чи Линь. — Даже если небеса разверзлись, дела империи ждать не могут! Предлагаю перейти в восточный Дворец Дунхуа и продолжить обсуждение там.

Мо Ин знал, что Юань Цзяоянь лишь притворяется, но возразить было нечего. Бросив на него сердитый взгляд, он прошептал:

— Бо-большое спасибо, дядюшка.

Юань Цзяоянь, не сводивший с него глаз, вдруг наклонился и прошептал на ухо:

— Маленький Бамбук, нужна помощь дядюшки? Стоит тебе попросить, и я заставлю всех этих чиновников замолчать.

Чжоу Тяньжун был лишь мелкой сошкой, настоящий враг, мечтавший извести маленького суккуба, стоял перед ним. Чтобы поймать вора, нужно сначала схватить главаря, поэтому

начинать следовало именно с Чи Линя.

Мо Ин посмотрел сверху вниз на коленопреклоненного Чи Линя, прикусил губу и, подняв руку, снял маску.

Мо Ин до смерти боялся, что тот в порыве безумия откусит ему ухо, и отступил на шаг:

— Тебе-то что! — не желая тратить время на Юань Цзяояня, он подавил неловкость и волнение и громко скомандовал: — Идем во Дворец Дунхуа! Чи Линь, ты пойдешь со мной первым.

Снаружи по-прежнему лил проливной дождь, передвигаться было неудобно. Хотя до Дворца Дунхуа было всего несколько десятков метров, чиновникам приходилось идти группами под зонтами, и из-за сильного ливня путь занял бы время.

Удар молнии подарил ему драгоценные минуты, и план был готов.

Чтобы подчинить Чи Линя Очами очарования, нужно было, чтобы тот смотрел прямо в его глаза — только так эффект будет полным.

— Ваше... — не дождавшись ответа, Чи Линь поднял голову.

В этот миг вспышка молнии осветила его ошарашенное лицо.

Мо Ин сидел на главном месте. Поскольку нужно было надеть корону, волосы не были убраны в прическу. Черные пряди, словно шелк, ниспадали на плечи. Он провел тонкими белыми пальцами назад, обнажая бледную шею.

Нефритовое лицо, алые губы — краше небожителя.

В его живых персиковых глазах словно плескалось крепкое вино, от одного взгляда на которое можно было захмелеть; в них будто таился невидимый крючок, бередящий душу.

Чи Линь застыл, не в силах даже моргнуть, словно впал в оцепенение.

Красный свет промелькнул в зрачках Мо Ина, и стоило применить Очи очарования, как взгляд Чи Линя стал пустым.

Первый шаг удался, но Мо Ин не чувствовал радости — сердце колотилось, а затылок словно натянулся до предела.

Впереди был второй шаг, ключевой для спасения маленького суккуба.

Он должен был забрать душу Чи Линя.

Обычно суккуб мог поглотить душу человека только с его добровольного согласия. Попытка подчинить разум Очами очарования, чтобы обманом вытянуть душу, была невероятно рискованной.

Процесс нельзя прерывать, иначе суккуб получит тяжелые раны или даже погибнет. Но даже в случае успеха его ждал откат.

Если душа Чи Линя окажется сильной и он придет в себя в процессе поглощения, последствия будут непредсказуемы. К тому же он вернулся в клан совсем недавно и лишь однажды слышал от старейшин, как проводится этот обряд, — он не был уверен в успехе.

Но жизнь И Цунчжоу висела на волоске, и он был вынужден рискнуть.

Он приложил палец к межбровью Чи Линя, направил всю свою энергию и закрыл глаза. Спустя несколько мгновений, почувствовав, как закипает кровь, он медленно открыл глаза и, глядя на Чи Линя кровавыми зрачками, по слогам произнес:

— Суккуб Мо Ин здесь. Желаешь ли ты преподнести мне свою душу?

Чи Линь покорно склонил голову:

— Желаю.

Мощный поток воспоминаний хлынул в сознание Мо Ина, он начал впитывать душу врага.

Поглощение отнимало все силы: губы Мо Ина белели, пальцы дрожали, а лоб покрылся холодным потом.

Спустя шесть-семь минут душа Чи Линя была поглощена, и Мо Ин, обессиленный, рухнул на стул.

Чи Линь продолжал смотреть на него остекленевшим взглядом, не двигаясь с места.

Мо Ин не обращал на него внимания. Медленно поднявшись, он подошел к столу, взял бумагу и кисть.

Прежний владелец тела лишь намекал Чи Линю расправиться с И Цунчжоу, но сам не знал причин поражения в битве.

Поглотив душу, можно было управлять поступками человека и видеть его воспоминания. Однако у любого человека за всю жизнь накапливаются миллионы фрагментов памяти. Они не выстроены в хронологическом порядке, а отсортированы по степени значимости, поэтому найти нужное было невероятно сложно.

Мо Ин рылся в океане воспоминаний Чи Линя, чувствуя, как по спине течет холодный пот.

Быстрее, еще быстрее! Остальные скоро придут во Дворец Дунхуа, он должен найти способ спасти И Цунчжоу.

Мелькающие образы — и вот он нашел.

Два ключевых воспоминания. Мо Ин мельком взглянул на них, и внутри него вспыхнула ярость.

Первый фрагмент: в ресторане Чжоу Тяньжун шептал Чи Линю:

— Войска еще не двинулись, а провиант уже в пути. И Цунчжоу преследует хуннов, расходуя запасы. Я заменил весь продовольственный обоз на гниль и плесень, добавив камней и веток для веса — отличный подарок для него.

Чи Линь разразился хохотом:

— А еще задержите доставку! Когда его армия будет готова есть друг друга от голода, а в мешках окажется одна труха — интересно, каково ему будет? И Цунчжоу ведь такой великий, наверняка такой бог войны сможет воевать и без еды.

Он смеялся так нагло, швыряя вниз, на улицу, куски жирной свинины, чтобы бродячие псы дрались за объедки.

В его глазах человеческая жизнь стоила меньше, чем жизнь собаки.

Мо Ин, любивший документальные фильмы об истории, прекрасно знал, какой ценой дается мир в стране и сколько крови нужно пролить, чтобы границы оставались незыблемыми.

Его трясло от гнева.

В то время как воины на границе сражались насмерть, Чи Линь пировал. Когда солдаты, не имея крошки во рту, смотрели на мир позеленевшими от голода глазами, он скармливал рыбу и мясо псам.

Он не мог представить, какое отчаяние охватило голодных солдат, когда вместо помощи они получили гниль, и как рушилась их вера.

Он не мог представить, как эти воины, движимые патриотизмом, падали, пронзенные вражескими клинками, с глазами, полными слез и безнадежности. Они защищали свой дом, но те, кого они оберегали, выбрасывали их жизни на помойку.

Он не мог представить, что чувствовал И Цунчжоу, видя мучительную смерть своих людей, какую беспомощность и ненависть он испытывал как командующий.

Стали ли его солдаты лишь инструментом в чужой игре? Знал ли он об этом? Ненавидя врагов, не ненавидел ли он самого себя?

И несмотря на такую несправедливость, на все вопросы И Цунчжоу отвечал лишь сухое: — Это не касается других, это моя вина, я плохо справился.

Он знал, что под защитой бездарного императора ему не одолеть Чи Линя, тем более что за спиной того стоял первый сановник империи, премьер-министр Чи Хоудэ.

Мо Ин чувствовал невыносимую боль и ярость.

Чи Линь пожирал людей и пил кровь солдат — такие твари заслуживают смерти!

С трудом подавив эмоции, он перешел ко второму воспоминанию.

Ночь, Чи Линь стоит под огромным деревом:

— Информация передана?

Стоящий перед ним человек ответил:

— Будьте спокойны, господин. Маршрут передвижения И Цунчжоу я передал шпионам хуннов в наших рядах.

Чи Линь расхохотался:

— Хорошо. Сделайте так, чтобы И Цунчжоу не вернулся, и пусть его три пограничных полка сгинут вместе с ним!

Мо Ин думал, что его гнев достиг предела, но Чи Линь каждый раз пробивал новое дно.

Все прежние наивные мысли испарились.

Если император хочет отречься от престола, он должен совершить столько злодеяний, чтобы гнев небес и народа обрушился на него. Чи Линь и Ван Си — негодяи, пусть они и будут принимать на себя весь удар.

Но пока такие паразиты существуют, сколько еще невинных людей погибнет?

Мясник из деревни отправил сына на войну, мечтая, что тот прославит род, а получил лишь извещение о смерти.

Сколько таких простых людей в мире, которые не должны становиться жертвами чужих амбиций?

Игнорировать страдания людей, закрывать глаза на всё ради цели и перекладывать ответственность на других? Это значит, что новый император просто недостаточно быстро перенимает эстафету.

Но разве тогда он сам чем-то отличается от этого подонка Чи Линя?

Раз уж занял этот пост, должен исполнять долг, иначе как жить с чистой совестью?

Мо Ин скомкал исписанный лист и спрятал за пазуху.

Снаружи слышался шум, кто-то пытался ворваться. Он выдохнул и потянулся за маской, но с нескольких попыток так и не смог поднять тонкую серебряную пластину.

Его силы были на исходе, а внутри klokотал гнев, требуя выхода.

С трудом надев маску, он услышал, как дверь распахнулась.

И Цунчжоу вошел, принес с собой запах дождя и ветра.

Вспомнив всё, через что прошел этот человек, Мо Ин почувствовал, как к горлу подкатил ком. Не раздумывая, он бросился вперед и уткнулся ему в грудь.

И Цунчжоу замер. Он закрыл дверь, его руки поднялись, но так и не решились коснуться Мо Ина.

— И Цунчжоу, ты настрадался. Я опоздал, я пришел слишком поздно.

Последние слова прозвучали глухо и хрипло, словно сдавленный всхлип.

Его тело продолжало дрожать, будто от пережитого ужаса.

Зрачки И Цунчжоу сузились, и, наконец, он положил руки на плечи Мо Ина, мягко похлопав его по спине.

<http://bllate.org/book/18645/1796311>